

В. К. Голубева (Минск)

**МЕТОНИМИЧЕСКИЕ И СОМАТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ
КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ АДВЕРБИАЛЬНОЙ ПЕРСОНИФИКАЦИИ**

Метафорический и метонимический переносы признаются лингвистами универсальными семантическими законами, двумя основными типами смысловых переносов, которые «буквально пронизывают язык и речь» [3, с. 3]. Вместе с тем в языкознании сложилась устойчивая тенденция актуализировать если не конкретность и даже клишированность метонимии, то по крайней мере ее меньшую образность по сравнению с метафорой. Признавая логическую ясность переноса по смежности, исследователи уделяют ему значительно меньше внимания, чем переносу по сходству¹. Однако в поэтическом тексте в целом и в конкретном идиостиле в частности метонимия наравне с метафорой приобретает эстетическую значимость. Кроме того, в лингвисти-

---

¹ По замечанию А. К. Бириха, метафоре посвящено несколько тысяч исследований, а метонимии – лишь несколько десятков [3, с. 3].

ческой поэтике повышенный интерес не могут не вызвать и случаи контаминации метонимического и метафорического переносов в одной образной единице.

Цель данной статьи – выявить речевые метонимические конструкции, в которых реализуется персонификация, и определить их прагматическую роль в поэтических текстах.

Объектом нашего анализа стали нестандартные наречные сочетания, которые мы выбирали из лирики Б. Пастернака и Б. Ахмадулиной. В художественных системах каждого из поэтов метонимический перенос, иногда в сочетании с метафорическим, несет особую функциональную нагрузку. Так, по наблюдениям Р. Якобсона и А. К. Жолковского, в области тропики важнейшие инновации Б. Пастернака состоят в акценте на связи по смежности, хотя обилие в его текстах сравнений и метафор не позволяет говорить об исключительном преобладании метонимий [4, с. 15]. Творческий эксперимент с метонимией так же, как и для Б. Пастернака, характерен для Б. Ахмадулиной (см. в [1]).

Метонимические конструкции обоих русских поэтов имеют следующие **структурно-семантические особенности**:

1) в них часто реализуется перенос «часть – целое», который характеризует сферу человека, прежде всего его психосоматику. Вербализация соматического кода в одних случаях осуществляется самими адвербиальными лексемами, а в других – субстантивами, однако в обоих случаях наречия выступают маркерами/усилителями образности семантического переноса: *Задраны к небу оглобли. / Лбы голубее олив. / Табор глядит исподлобья, / В звезды мониста вперив* (Б. Пастернак) – *табор глядит исподлобья* вместо *цыгане глядят исподлобья*; *...Доблестный твой голосок / неоспоримо и смело / падение снега предрек* (Б. Ахмадулина) – *голосок неоспоримо и смело предрек* вместо *диктор неоспоримо и смело предрек*;

2) среди метонимических сочетаний наряду с глагольными представлены безлично-предикативные: *И куда порываться еще нам? / Ах, наречье смертельное «здесь» – / Невдомек содроганью священному* (Б. Пастернак) – или: *Кто ей [колдунье] из веков отвечает кивком? / Чьим датам, сединам и ранам / не жаль и не мало пропасть мотыльком / в пленительном пекле багряном?* (Б. Ахмадулина) – подобного рода конструкции, в которых метонимический субъект характеризуется не более привычной глагольной формой, а безлично-предикатив-

ным наречием, в целом довольно редки. Их необычность объясняется спецификой состояния, выражаемого предикативными наречиями, которые «передают целостное, синкретичное ощущение субъекта, воспринятое "изнутри" [разрядка наша – В. Г.]» [7, с. 7], в то время как метонимия предполагает обозначение лица по отдельному наиболее существенному внешнему признаку;

3) метонимические сочетания и соматические конструкции как их разновидность часто нацелены на персонификацию объектов действительности. В таких случаях перенос по смежности осложняется метафорическими смыслами¹, и в результате реализуется комбинированная стилистическая фигура – метафтонимия (Л. Гуссенс) [10]. Совмещение в данных синтаксических единицах двух типов переноса вызвано тем, что гипонимические номинации субъекта (часть вместо целого) служат не столько для передачи качеств/состояния самой личности, сколько для одушевления отдельных частей человеческого тела или составляющих его психоментальной сферы.

Эстетический потенциал данных нестандартных конструкций у русских поэтов различается. Б. Пастернак в целом очень активно экспериментирует с количеством участников ситуации, с помощью метонимии увеличивая их число. Ср.: *А вскачь за громом, за четверкой / Ильи Пророка, под струи – / Мои телячьи бы восторги, / Телячьи б нежности твои* (1); *На ощупь, как пропойца, / Проходит тень во двор* (2). Выступая маркерами/усилителями персонифицированных объектов (*восторги, нежности, тень*), наречия актуализируют их самостоятельный статус. В результате с помощью метонимических конструкций приглушается роль человеческого «я» и личность растворяется в надличностном потоке жизни [4, с. 16]. Наиболее рельефно это проявляется в следующем поэтическом фрагменте: *Очам в снопах, как кровлям, тяжело. / Как угли блещут оба очага. / Лицо лазури пышет над челом / Недышащей подруги в бочагах, / Недышащей титоницы осок.*

Если в поэзии Б. Пастернака создание данных сочетаний направлено на минимизацию роли человека в огромном мире, то у Б. Ахмадулиной, наоборот, – на углубление в противоречивый и многоликий

¹ Персонификация рассматривается нами как подтип метафоры вслед за Т. В. Матвеевой, М. П. Брандесом, Э. Г. Ризель, Е. А. Гончаровой, В. К. Приходько, Н. М. Наер, Н. А. Богатыревой и др.

внутренний мир личности: *Минувший день, прости, я солгала! / Твой гений – добр. Сама простыла... / <...> / Хворь – боязлива. Ей **невмозготу** / терпеть окна красу... (1); Голос мой обольщает людей. / Это грех или долг – я не знаю. / Это страх так **отважно** поет, / обманув стадион бледнолицый (2).*

В сравнении с Б. Пастернаком Б. Ахмадулина не только значительно чаще, но и разнообразнее реализует соматический языковой код. «Поэтизация соматизмов – излюбленный художественный прием Б. Ахмадулиной» [8, с. 361] – на уровне адвербиальной синтагматики проявляется в семантической многоплановости и вариативности данных неузуальных конструкций. В большинстве случаев поэт создает подобные сочетания в целях портретирования и автопортретирования, используя при этом адвербиальные лексемы, которые, во-первых, передают физическое состояние человека, а во-вторых, выступают в качестве эмотивов: *Жалею... / беленькую тоненькую шею, / которой так под мехом **горячо** (1); В час осени крайний – так **скушино**¹ доктям / опять ушибаться об угол сиротства (2).* В данных контекстах вторичность номинации субъекта (номинации через метонимический перенос) накладывает отпечаток на семантику безлично-предикативного наречия. Наречные предикативы в целом специализируются на выражении неконтролируемого, «инволютивного» (Г. А. Золотова) [5, с. 109] состояния. Используя предикативные наречия с партитивными соматическими номинациями, Б. Ахмадулина подчеркивает, что субъект еще в большей степени «снимает с себя ответственность за состояние». При этом «возникает некоторая отстраненность, переключение на взгляд со стороны» [9, с. 66]. Предельно выпукло двойственность субъекта проявляется при контекстуальном противопоставлении семантических компонентов конструкции «я-целое» и «часть тела», как в поэтических строках: *И отвернуться хочется уже, / вот отвернусь, но **любопытно** глазу* – где отчетливо передается противоречивость чувств лирической героини.

Противопоставление части и целого у Б. Ахмадулиной актуализируется не только средствами грамматической семантики безлично-предикативных конструкций, но и коннотативными компонентами в семантике самих наречий. Так, в ряде глагольно-адвербиальных сочетаний наречия передают признак, релевантный в эстетической си-

¹ Сохранено написание Б. Ахмадулиной.

стеме поэта, однако традиционно наделенный пейоративной коннотацией: Глаз голубой... глядит высокомерно (1); Он [голос] так испуганно и кротко / является чужим очам (2); Кивает правой левая рука и говорит надменно ей... (3); ...И все-таки меня снедает ревность, / Когда творят иные мастера. / <...> / ...У меня в тбилисском том духане, / в картинной галерее и в кино / завистливо заходится дыханье (4); Но жизнь свежа и беспощадна: / в черемухи прощальный день / глаз безутешный – мрачно, жадно / успел воззриться на сирень (5). Б. Ахмадулина, словно предвосхищая возможные негативные оценки в адрес своих лирических героев (привередливый, высокомерный, испуганный, надменный...), с помощью метонимического переноса мастерски переориентирует данные характеристики с номинаций субъектов на персонифицированные соматизмы.

Особую эстетическую релевантность приобретают те соматические конструкции Б. Ахмадулиной, в которых насыщенность метафорических красок оттеняется прямыми значениями лексем. Ср.: ...Холодный душ уже развесил розги. / <...> / Под гильотину ледяной струи / с плеч голова покорно полетела. В приведенном контексте создается «мерцание» виртуального (рефлексивного) и реального обособления части от целого. В таких случаях в наречии усиливаются семы персонификации: названное им качество нейтрализует опосредованную связь с гиперонимом (покорно – человек) и начинает непосредственно коррелировать с потенциальным экс-соматизмом (покорно – голова).

В метонимических конструкциях Б. Ахмадулиной отразилась не только подчеркнутая авторефлексия поэта, но и специфический способ воссоздания мира, внешнего по отношению к лирической героине. В описаниях природы и интерьера у Б. Ахмадулиной, как и у Б. Пастернака, обнаруживается свойственная ей склонность к индивидуальному переосмыслению количественных параметров действительности – к детализации и членению образа на несколько составляющих. Ср.: Опять в природе перемена, / окраска зелени груба, / и высится высокомерно / фигура белого гриба – фигура белого гриба вместо белый гриб. Или: Я с Ёлкой бедною прощаюсь... / <...> / На лампу смотрит слабоумно / возглавья полумесяц узкий – возглавья полумесяц вместо Ёлка. Партиционирование описываемых объектов и их наречная персонификация подчеркивают особую чуткость лирической героини

ко всем проявлениям бытия и ее стремление лишить зарисовки действительности внешней незамысловатости.

Таким образом, при анализе метонимических наречных сочетаний Б. Пастернака и Б. Ахмадулиной выявляется их структурная и смысловая разноплановость. Для реализации переноса по смежности авторы используют не только глагольно-адвербиальные, но и безлично-предикативные конструкции. Семантико-эстетическая особенность данных синтаксических единиц заключается в том, что у обоих поэтов они часто объединяют метонимию с метафорой (персонификацией) и служат для отображения как интросферы личности, так и внешнего мира.

Данные нестандартные конструкции отчетливо репрезентируют уникальность поэтической системы каждого из авторов. С их помощью Б. Пастернак нейтрализует важность отдельной личности в жизненном потоке, а Б. Ахмадулина, наоборот, усиливает авторефлексивное начало своей лирики. В творчестве Б. Ахмадулиной среди иных типов метонимических сочетаний концептуальную значимость приобретают именно соматические адвербиальные конструкции, которые автор не просто часто создает, но и мастерски обыгрывает в разных ракурсах.

1. Афанасенкова, Е. Н. Особенности творческой манеры Б. А. Ахмадулиной (поэзия, проза): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Е. Н. Афанасенкова; Ростовский гос. пед. ун-т. – М., 2005.

2. Ахмадулина, Б. А. Стихотворения / Б. А. Ахмадулина; сост. Б. Мессерер, Т. Алешка; авт. предисл. и коммент. Т. Алешка. – М.: Эксмо, 2008.

3. Бирих, А. К. Метонимия в современном русском языке (Семантический и грамматический аспекты) / А. К. Бирих. – München: Verlag Otto Sagner, 1995.

4. Жолковский, А. К. Поэтика Пастернака: Инварианты, структуры, интертексты / А. К. Жолковский. – М.: Новое литературное обозрение, 2011.

5. Золотова, Г. А. Понятие личности/безличности и его интерпретации / Г. А. Золотова // Russian linguistics. International Journal for the Study of the Russian Language, 2000. – Vol. 24. – № 2, Juli. – С. 103–115.

6. Пастернак, Б. Л. Собрание сочинений в 5 томах / Б. Л. Пастернак. – М.: Художественная литература, 1989. – Т. 1–3.

7. Пименова, С. Я. Предложения с семантикой эмоционального состояния как проявление различных типов восприятия в русском художественном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / С. Я. Пименова; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2000.

8. Плужникова, Д. М. Фразеологизмы с соматическим компонентом в лирике Беллы Ахмадулиной / Д. М. Плужникова // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами: сб. науч. тр. по итогам III междунар. науч. конф. (г. Белгород, 19–21 марта 2013) / отв. ред. Н. Ф. Алефиренко. – Белгород: Белгород. гос. ун-т, 2013. – С. 360–363.

9. Свистунова, М. С. Способы выражения субъекта в конструкциях со словами категории состояния / М. С. Свистунова // Русский язык в школе. – 2010. – № 1. – С. 64–66.

10. Goossens, L. Metaphonymy: The interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action / L. Goossens // *Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast* / ed. by Rene Dirven, Ralf Porings. – Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 2002. – P. 349–377.